

Консолидация политического режима невозможна без институционализации ключевых государственных процедур и практик. Именно преемственность политического процесса и приводит к стабилизации политики. В то же время для поддержания жизнеспособности институтов необходимо их развитие, которое периодически выражается в замене одних институтов (устаревших) другими.

Однако противоречия между стабильностью и модернизацией политических институтов не являются критическими. Так, в рамках демократических режимов это очевидно на примере выборов. С одной стороны, наличие честных и открытых выборов изначально «запрограммировано», с другой стороны, результат данных рутинных процедур всегда является заранее неизвестным. В конечном итоге выборы приводят к ротации политической элиты и неизбежной корректировке политического курса.

В мировой политологии конвенциональным стало мнение о том, что «демократия без политических партий – это дефективная демократия» [Голосов, 2006, с. 10]. Более того, сама демократия определяется как «система, в которой правящие партии проигрывают выборы» [Пшеворский, 2000, с. 28]. Таким образом, признается ключевая роль политических партий в поддержании и развитии демократических режимов.

Процесс демократизации, охвативший значительную часть современного мира, в конце XX в. дал повод многим исследователям [Huntington, 1991] говорить о нем в оптимистических тонах. Однако в середине 2000-х оптимизм сменился скепсисом [Carothers, 2002; Levitsky, Way, 2002; Schedler, 2002].

Многие страны, адаптируя классические западные институты, что все более становилось «правилом хорошего тона» в глазах мировой общественности, в итоге меняли их содержание, зачастую полностью выхолащивая. Данная тенденция стала актуальна и в отношении института выборов и политических партий.

Это замечание распространяется и на российский политический режим и партийную систему. Большинство ученых сходятся во мнении, что фундамент

для российского авторитаризма был заложен в самом начале существования независимого государства [Karl, Schmitter, 1991, p. 275]. В развитии авторитаризма в России имеется своя логика, на разных временных этапах «степень авторитаризма» различалась, однако первое исходное замечание, касающееся российских реалий, заключается в том, что *конкуренция*, включая партийную, начиная с 1993 г. и до сих пор, *не велась в по-настоящему демократических условиях*.

Авторитарная консолидация в России и развитие партийной системы: историческая перспектива

1. Ввиду того, что на протяжении всей постсоветской истории эволюция партийной системы страны была во многом обусловлена логикой развития политического режима, будет научно оправданным сделать несколько замечаний по поводу природы самого режима.

А) Российский авторитаризм можно характеризовать как «электоральный» (например: [Голосов, 2008]), главная особенность которого заключается в создании (правящим режимом) неравных условий для разных участников электорального соревнования. Главным его преимуществом и отличием, например от более «жестких» авторитарных режимов, является отсутствие (редкое использование) прямых методов силового подавления оппозиции, что уменьшает репутационные издержки, прежде всего, в отношениях с мировым сообществом, и в то же время позволяет снизить неопределенность исхода выборов для правящей элиты.

Б) Важной характеристикой авторитарного режима в России является система патронального президентского правления [Хейл, 2008]. Формально регулярные выборы и возможность участия оппозиции инкубенту существует, но при этом эти возможности нивелируются благодаря большим формальным полномочиям президента по сравнению с другими центрами власти, а также широкому набору неформальных полномочий, основанных на отношениях «патрон-клиент».

2. Тренд на авторитарную консолидацию в России формировался постепенно. Столь же неоднозначные и порой непоследовательные изменения претерпевала партийная система страны. Наличие политической поддержки в законодательном органе страны является важным условием нормального функционирования исполнительной власти. Однако формат данной поддержки может принимать разные формы.

На протяжении 1990-х годов в России предпринимались попытки сформировать «партию власти». При этом сама политическая стратегия выстраивания «партий власти» была и, в некоторой степени, остается противоречивой. С одной стороны, при имевшихся у Кремля (недостаточных) ресурсах на более ранних этапах наиболее предпочтительной выглядела стратегия создания одной крупной «партии власти», которая бы могла принести максимальный результат на выборах. На всех выборах с 1993 г. такая партия всегда появлялась (ДВР, НДР, Единство, «Единая Россия»). С другой стороны, в правящей элите периодически в более или менее открытых формах проявлялось стремление к строительству двухпартийной системы. В итоге это приводило к тому, что на всех федеральных выборах, за исключением, возможно, 2003 г., имела и вторая/дублирующая/левоцентричная «партия власти» (ПРЕС, «Блок Ивана Рыбкина», «ОВР» – до определенной степени, «Справедливая Россия») (более подробно см.: [Лихтенштейн, 2002]).

Представляется, что этому существует несколько объяснений. Во-первых, имплицитно производилась попытка учитывать максимально широкие электоральные предпочтения и реализовывалась catch-all-стратегия не в рамках одной, а как минимум двух партий. Во-вторых, необходима была одна партия, которая «собирает» голоса в «центре», и вторая – которая отбирает голоса у популярных коммунистов, играя тем самым, роль «спойлера». И, в-третьих, можно сделать предположение, что разные башни Кремля могли выражать разные позиции, иными словами, что не всех представителей и сторонников правящей элиты можно было интегрировать в рамки одной структуры.

Помимо непоследовательной стратегии правящего режима, можно выделить еще несколько причин неудач «партий власти» [Григоренко, 2011]:

А) Экономические сложности оказывали негативное влияние на электоральный потенциал партий-сторонниц правящего режима (в соответствии с так называемой теорией ретроспективного экономического голосования).

Б) В течение долгого времени Кремль предпочитал создавать ситуативные базы поддержки в законодательном органе, что может рассматриваться как альтернативная стратегия создания единой фракции «партии власти». Периоды согласований в данном случае увеличиваются, однако на определенном этапе это дает дополнительные возможности для маневра.

В) Политические возможности Кремля определялись, в первую очередь, соотношением сил с двумя другими центрами власти – региональными элитами и крупным бизнесом. На первом этапе, хронологически совпадающем с первой половиной 2000-х, правящий режим создал условие для функционирования

«партии власти» посредством *деавтономизации данных центров*. Вторым условием стало решение проблемы, которая в исследовательской литературе получила название «проблемы взаимного инвестирования ресурсов» (*«bilateral commitment problem»*) [Reuter, Remington, 2008]. В соответствии с ней формирование «партии власти» предлагается рассматривать посредством решения проблемы инвестирования в нее ресурсов Кремля, с одной стороны, и прочих элит (прежде всего, региональных), с другой. Использованные Кремлем практики «кнута» (изменение избирательного законодательства, назначение губернаторов, проч.) и «пряника» (появление определенности и распределение политической ренты) по отношению к региональным элитам привели к тому, что к выборам 2007 г. большинство губернаторов или были членами партии, или ее непосредственными сторонниками.

3. Одной из издержек для правящего авторитарного режима при уже упомянутом «инвестировании ресурсов» является потенциальная угроза выхода партийного проекта «из под контроля». Поэтому с самого начала партийное руководство взяло *курс на централизацию*. На федеральном уровне в партии была проведена реформа управления: на V съезде в ноябре 2004 г. ликвидирован центральный политический совет и введено единоначалие. Председателем «Единой России» был избран Борис Грызлов. Изменения в уставе, принятые на партийном съезде, проведенном в следующем году, в серьезной степени усиливали значение партийного центра.

Наконец, окончательно свое логичное завершение *вертикализация* партии получила в апреле 2008 г., когда В. Путин дал согласие возглавить «партию власти».

Таким образом, решив вышеназванные проблемы и противоречия, а также задав необходимую форму партийной структуре «партии власти», правящий режим окончательно сделал выбор в пользу курса на построение *доминантной партийной системы*.

Доминантная партийная система России в сравнительной перспективе

Проведенный анализ показывает, что по состоянию на 1 мая 2010 г. в мире насчитывалось 38 стран с доминантными партийными системами. Существует несколько подходов по поводу того, какие партийные системы считать доминантными. Однако многие из них в качестве ключевых определяют процентный порог мест и период доминирования [Sartori, 1976, p. 196; Greene, 2010, p. 809–

811]. Для анализа современной эволюции доминантных партийных систем я использовал критерии, которые, на мой взгляд, являются достаточными: в партийной системе данного типа «доминантная партия должна получать более 50% мест на не менее двух последних выборах» [Григоренко, 2010]. В соответствии с данными критериями в указанную совокупность попадает и современная российская партийная система.

В целом, мир доминантных партийных систем довольно разнороден. На разных этапах доминирование одной партии было характерно и для ряда стран, которые принято относить к странам западного мира (Швеция, Италия, Япония, Израиль, др.). Тем не менее, если мы будем говорить о современном историческом этапе (двое последних выборов, т.е. в большинстве случаев это 2000-е годы), то после проигрыша ЛДП Японии компанию России составляют преимущественно страны южной и центральной Африки (24 страны), а также Северной Африки и Ближнего Востока (3 страны¹), Южной Америки (3 страны), Азии (3 страны) а также 4 страны бывшего постсоветского пространства.

Надо признать, что данная группа не является однородной. Так, в рамках моей типологии я отношу российский случай к примерам *формирующихся* доминантных партийных систем со *средними показателями партийной фрагментации* (все-таки другие партии имеют некий вес) и *динамики поддержки правящей партии* (изменение поддержки правящей партии на двух последних выборах имеет умеренное значение) [Григоренко, 2010].

Следуя исследовательской традиции (например: [Magaloni, 2006; Greene, 2010]), я разделил совокупность партийных систем на две группы – демократические и авторитарные доминантные партийные системы (ДДПС и ДАПС). Во вторую группу я включаю и российский случай. Характерным для данной группы является факт того, что формально проводятся выборы в национальную легислатуру, однако *de facto* они направлены на то, чтобы гарантировать правящей партии доминантный статус в 50%+ мест.

В истории существуют примеры достаточного долгого доминантного правления. К рекордсменам относят ранее доминантную ИРП Мексики (более 70 лет), а также ряд существующих примеров (правящие партии Малайзии и Сингапура – 53 года и 51 год соответственно). Однако для понимания перспектив доминантной партии и системы в целом надо более подробно остановиться на природе самого доминирования.

¹ На 1 мая 2010 г. случаи Египта и Туниса еще были актуальны.

Российская партийная система в преддверии электорального цикла 2011–2012 гг.: текущие тенденции и дальнейшие перспективы

Ниже представлены замечания и наблюдения, касающиеся современного состояния доминантной партии и партийной системы в целом, через призму развития политического режима, которые могут позволить спрогнозировать перспективу системной динамики.

1) Чрезмерная централизация партийной структуры.

Характерной чертой партийной системы России является не только низкий уровень межпартийной конкуренции, что бывает характерно для доминантных систем, но и внутрипартийного диалога. В первую очередь, данная характеристика должна признаваться важной при оценке внутрипартийных процессов в «Единой России» как ключевом звене доминантной партийной системы.

В мировой практике существуют примеры «бесфракционных» доминантных партий, но для ДДПС наличие институционализированных внутрипартийных образований (*хабацу* в ЛДП Японии, фракции в ХДП Италии) и неформальных групп («левые» и «правые» в ЮАР) – это свидетельство того, что низкий уровень межпартийной конкуренции (частично) компенсируется наличием демократических практик обсуждения внутри ключевой партии системы.

В свое время данная тенденция нашла отражение в виде дискуссии о партийно-идеологических «крыльях» ЕР. Однако проекту фракционализации партии не суждено осуществиться.

В настоящий момент попытки наделить партийные клубы функциями дискуссионных площадок для выработки политического курса партии не принесли реальных результатов. Официально «существование фракций» внутри партии «не признается» [Мелешкина, 2006, с. 160].

Отсутствие подобных практик в России скорее позволяет говорить о доминантной партии как о вертикальном канале транслирования воли правящей элиты, чем о реальном механизме управления и выработки государственной политики.

2) Возврат к проблеме «взаимного инвестирования ресурсов».

Как было отмечено выше, сам проект построения доминантной партии стал возможен во многом благодаря инвестированию ресурсов как со стороны Кремля, так и региональных элит. В последнем случае региональные руководители

вкладывали не только финансовые ресурсы, но и интегрировали в новую политическую организацию личные избирательные машины, мобилизовывали административный ресурс и, что возможно самое важное, использовали символический ресурс личной популярности для получения комфортных результатов более 50% для доминантной партии.

Последние региональные выборы 13 марта 2011 г. показали, что проблема «взаимного инвестирования ресурсов» возникла вновь, правда, в другом ключе. По-прежнему руководители регионов могут мобилизовывать административный ресурс, а губернаторские избирательные сети окончательно «растворились» в местных партийных структурах, что, впрочем, лишь отчасти говорит об институционализации доминантной партии. Однако уже значительное количество «назначенных» и зачастую непопулярных губернаторов не могут более инвестировать свой персональный символический ресурс ввиду его отсутствия.

Таким образом, ослабление одного из столпов, на котором выстроена современная доминантная партия, ставит под сомнение возможность эффективного использования механизмов ручного управления выборами на местах, а потому возникают сомнения о возможности повторения сверхвысоких результатов «партии власти» в 2003 и 2007 гг.

4) «Саморазрушающееся» доминирование.

В работе о правлении ИРП Мексики американский политолог Б. Магалони в своей модели поддержки авторитаризма выделяет три ключевых условия голосования за «партию власти»: 1) долгосрочный экономический рост; 2) жесткую систему мониторинга голосования правящими структурами, которая позволяет «наказывать» оппозиционный электорат и поддерживать собственный с помощью системы трансферов («режим наказания»); 3) подтасовку голосов в пользу «партии власти» [Magaloni, 2006, p. 20].

Говоря о более чем 70-летнем доминировании мексиканской ИРП, автор отмечает, что оптимальной стратегией для автократа является ситуация, когда он обеспечивает долгий экономический рост, но в то же время искусственно сохраняет большие группы «зависимого» населения (в случае Мексики это большие группы сельского населения), которое он может контролировать посредством «режима наказания» [Ibid, p. 72].

Проблема в том, и здесь автор ссылается на авторов так называемой модернизационной теории, что экономический рост имеет противоречивый эффект для автократа: богатеющие избиратели готовы делать «идеологически инвестиции», т.е. голосовать за оппозицию, не принимая во внимание систему поощрений и наказаний (*spoils system and punishment regime*), выстроенную ин-

кумбентом. Место в модели находится и для России. Автор причисляет российский случай к примерам «саморазрушающегося» авторитаризма: экономический рост и модернизация в конечном итоге создадут условия для того, чтобы все большее число избирателей поддерживало оппозицию, а в ответ режим вряд ли может что-то предложить, ведь «партийная организация [правящей партии] слишком слаба, чтобы эффективно управлять режимом наказания [Magaloni, 2006, p. 22].

В преддверии электорального цикла 2011–2012 гг. в России приходится в очередной раз обращаться к старому закону о зависимости между стабильностью режима, а в данном случае и партийной системы, и экономическим положением. Возвращаясь к сравнительному анализу доминантных партийных систем, можно сказать, что Россия входит в пятерку стран с наибольшими показателями ВВП на душу населения. В то же время, говоря о динамичных показателях, Россия занимает первое место по уровню падения ВВП в 2009 г. среди 37 стран рассматриваемой выборки.

Таким образом, с одной стороны, текущий уровень развития дает основания говорить о наличии (потенциальном появлении) предпосылок к возникновению критической массы «идеологически инвестирующих» избирателей. Так, на основании результатов мартовских выборов 2011 г. можно сказать, что экономический кризис выразился не только в уменьшении бюджетных средств, но и сгенерировал определенную фрустрацию в обществе, которая и была продемонстрирована. С другой стороны, отрицательная экономическая динамика рождает и условия для «ретроспективного экономического голосования», которое, по всей видимости, должно оказать свое негативное влияние на результаты партии власти. Последняя же так и продолжает оставаться всего лишь электоральным механизмом, причем довольно слабым, ведь она была создана для функционирования в среде пониженной конкуренции и благоприятной экономической ситуации.

Заявленная модернизационная инициатива, по всей видимости, будет иметь противоречивые последствия для дальнейшей динамики режима и его важнейших институтов. Во-первых, экономическая модернизация редко происходит без модернизации социальных и государственных институтов². Во-вторых, модернизация маловероятна без деконцентрации экономических ресурсов. Анализ выборки стран с доминантными партийными системами (25 стран) показывает,

² Одним из немногих примеров «авторитарной модернизации» в нашей выборке является Сингапур, который обладает довольно уникальной констелляцией страновых особенностей.

что существует прямая зависимость между «долей государства в экономике» и уровнем авторитарности³. Именно поэтому экономическая модернизация с неизбежным *разгосударствлением* – это мина замедленного действия для правящего авторитарного режима: чем сложнее структура экономики, тем больше независимых экономических агентов, которые могут претендовать на роль политических акторов, что неизбежно ведет к росту конкуренции. Наконец, в-третьих, хотя процессы модернизации и вестернизации не обязательно должны совпадать, постепенно уже упомянутое «выхолащивание» западных институтов для страны, претендующей на новую экономическую роль, будет становиться все проблематичней. Таким образом, при отсутствии двух условий поддержки «партии власти» (экономический рост и эффективный «режим наказания»), использование третьего условия – подтасовки голосов избирателей – с имиджевой (как вне, так и внутри страны) точки зрения будет все менее приемлемым. В этом смысле игры в «западную» модернизацию и «суверенную демократию» могут создать диссонанс.

Возможна ли в данных условиях модернизация системы партий как одного из главных элементов любого правящего режима? Безусловно, динамика системы партий будет зависеть от динамики самого режима. Однако очевидно, что в ситуации, когда роль граждан, а не электоральная инженерия, начинает становиться решающей, у системы институтов, которые изначально слабо адаптивны и плохо канализируют соответствующие настроения граждан, шансов нет. В случае демократизации режима для партийной системы страны полная перезагрузка (пусть и растянутая) представляется более реалистичным вариантом, чем модернизация.

Литература

Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Январь-февраль.

Григоренко Е. Современная эволюция доминантных партийных систем в мире // Реальность «политического» off-line/on-line: сб. статей аспирантов факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Григоренко Е. Современные траектории развития партийных систем на постсоветском пространстве // Мировая политика и международные отношения. 2011. В печати.

Лихтенштейн А. «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России 1999–2000 / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М., 2002.

³ Первый показатель – «Size of Government: Expenditures, Taxes, and Enterprises» базы данных «Economic Freedom of the World, 2008», второй – показатель Freedom House. Коэффициент корреляция – 0,44.

Мелешикина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: Политические партии и партийные системы. М.: ИНИОН РАН, 2006. № 1.

Пишеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.

Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. 2008. Январь-февраль.

Carothers T. The End of the Transitional Paradigm // Journal of Democracy. 2002. 13 (1).

Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Science. 2010. 43.

Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London, 1991.

Karl T., Schmitter P. Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. 1991. № 43 (128). (Цит. по: Первый электоральный цикл в России 1993–1996 / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М., 2000.)

Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. 13 (2).

Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006.

Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 4. P. 501–526.

Sartori D. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.

Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. 13 (2).